

0721659-1

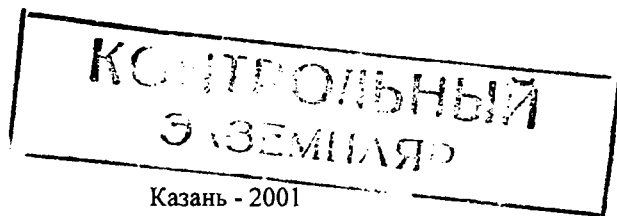
На правах рукописи

ЗАКАМУЛИНА МИЛЯУША НУРУЛЛОВНА

**КАТЕГОРИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ
В НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ (СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ)**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Работа выполнена на кафедре контрастивной лингвистики
Казанского государственного педагогического университета

Научные консультанты:

- заслуженный деятель науки Республики Татарстан,
доктор филологических наук,
профессор ГАТИАТУЛЛИНА З.З.
- член-корреспондент АН Республики Татарстан,
доктор филологических наук,
профессор ЮСУПОВ Р.А.

Официальные оппоненты:

- заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор филологических наук,
профессор ГАК В.Г.
- член-корреспондент АН Республики Татарстан,
доктор филологических наук,
профессор ГАНИЕВ Ф.А.
- доктор филологических наук,
профессор АМИНОВА А.А.

Ведущая организация – Институт стран Азии и Африки
при МГУ им. М.В. Ломоносова

Защита состоится 24 апреля 2001 г. в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д. 212.078.03 по присуждению ученой степени
доктора филологических наук в Казанском государственном педагогическом
университете по адресу: 420021, Казань, ул. М. Межлаука, 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Казанского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан 24 апреля 2001 г.

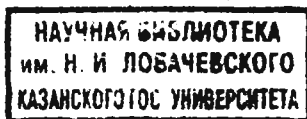
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

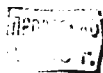

0000502201

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Садыкова А.Г.

Реферируемая диссертация относится к работам в области темпорологии неродственных языков и посвящена семантико-структурному сопоставительному изучению категории темпоральности во французском и татарском языках, относящихся к различным типологическим группам.

Актуальность исследования. Проблема времени имеет долгую исследовательскую традицию с античности до наших дней благодаря своей неисчерпаемости и многоаспектности. Время занимает важное место в картине мира и, наряду с предметом и его локализацией в пространстве, относится к базовым категориям общей модели мира. Время в широком смысле слова имеет различные ипостаси: физическую, логическую, философскую, социально-психологическую, лингвистическую. Проявление предмета во времени обязательно получает свою концептуализацию, т.е. ментальную переработку сознанием человека любого экстралингвистического опыта, что является объективно общим и универсальным явлением для языковых систем.

Время лингвистическое – это формальные языковые средства, называемые языковыми временными формами, т.е. разноуровневые регулярно действующие в языке способы выражения временных отношений (морфологические, синтаксические, лексические, контекстуальные), а морфологический уровень, представленный временными формами глагола, является частным уровнем функционирования определенных таким образом временных форм (Дешериева).

Проблемы, связанные с изучением времени как категории морфологической и как категории, выходящей за рамки морфологии на более высокий уровень – уровень высказывания и текста, – давно привлекают к себе внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов, работающих в области аспектологии и темпорологии (изучении темпоральности). Интерес к теме настоящего исследования определяется тем, что проблематика ее не ограничивается рамками собственно морфологической категории времени, а выходит на межуровневую репрезентацию данного явления и тесно связана с построением когерентной и взаимоотноносительной системы временных отношений.

Известно, что в категориях синтаксиса закреплены общие категории мышления; в связи с этим очевиден интерес к теме настоящей диссертации с точки зрения общей проблематики языковых универсалий, носящих вероятностный характер и определяющихся рядом факторов, основными из которых являются общие закономерности развития языка как средства общения, глубинные отношения между языком и мышлением, единый для всех окружающих реальный мир и существование

общих законов конструирования и функционирования человеческой речи.

Исследованию вопросов времени и темпоральности отдельно во французском и татарском языках посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных лингвистов. В татарском языкознании имеются фундаментальные исследования времени как категории грамматической (Серебренников 1963; Серебренников и Гаджиева 1986; Ганиев 1963, 1999; Тумашева 1986, 1999; Закиев 1999), темпоральности, включающей в себя морфологические средства и их лексические спецификаторы (Салехова 1975; Тумашева 1986). Эти работы носят в основном описательный характер и характеризуются дескриптивным подходом, представляющим собой статическую констатацию существующих в системе языка форм. В отличие от положения дел в татарском языке, изучение времени во французском языкознании отмечено подходом, учитывающим динамический характер языковой системы и тесно связанным с генеративной и когнитивной лингвистикой. Из языка “в самом себе и для себя” лингвистика “все больше превращается в науку с размытыми границами, постоянно расширяющими объекты своего исследования” (Кубрякова 1995: 194). Именно такой подход характеризует исследования в области темпорологии французского языка (Berthonneau 1989; Corblin 1985; François & Nef 1984; Jaubert 1993; Kamp 1981; Kamp & Rohrer 1983; Kleiber 1993; Molendijk 1993; Référovská 1983; Serbat 1988; Tasmowski – De Ryck 1985).

Современный уровень исследованности категории времени в различных языках вообще и на материале французского и татарского языков в частности позволяет сконцентрировать внимание лингвистов на некоторых проблемах, наиболее актуальных для современного состояния лингвистической науки, пересматривающей и расширяющей зоны своего внимания. В современных исследованиях отмечается стремление к изысканию новых методов и форм в анализе общих и частных вопросов времени. Само же содержание исследования лингвистического времени с учетом вышесказанного располагается в сопредельной зоне взаимодействующих результатов семантических, семиотических и прагматических исследований. Так, анализируются прагматические аспекты временных форм, проблема временной референции, соотношение глагольной и неглагольной темпоральности, временной статус и взаимоотношения элементов обстоятельственных структур, функционирование грамматического времени в тексте, проблемы временного дейксиса и анафоры, временной дискурсивной репрезентации и др.

Если во французском языкознании такое направление в изучении категории времени разрабатывается уже на протяжении последних 15-

20 лет, то для татарского языкознания оно является еще новым, неосвоенным.

Изучение и стремление решить многие пограничные вопросы времени, связанные с его логическим, физическим, философским и собственно лингвистическим аспектами, требует существенного осмысления ряда частных вопросов темпорологии в татарском языке с учетом результатов современных изысканий в других языках.

Сопоставительные исследования в языках с различной структурно-типологической организацией, как показывает опыт сравнительно-сопоставительных работ в отечественном и зарубежном языкознании, приводят к весьма плодотворным результатам, представляющим взаимный интерес для сопоставляемых языков. Сопоставительное исследование языков дает возможность более детально изучить то или иное явление, позволяет выявить особенности сопоставляемых языков, ускользающие при их внутреннем изучении, прийти к новым данным в результате анализа на основе единых методов сравнения.

Одним из основополагающих моментов сопоставительного исследования является четкое выявление сопоставляемых объектов в рассматриваемых языках. Таковыми могут быть макросистемы, микросистемы, уровни, подуровни. Предметной областью нашего исследования являются структура, семантика и функционирование временных форм во французском и татарском языках, выражение временных отношений в слове, высказывании и тексте двух разнотипных языков и сопоставление исследуемой категории темпоральности в системе и реализации.

Необходимость такого исследования обусловлена следующими факторами:

1. Недостаточно изучен вопрос о соотношении между логическим, физическим, философским и лингвистическим временем.

2. В обоих языках не разработана единая система плана содержания лингвистического времени.

3. В обоих языках не выявлена также система средств выражения временных отношений.

4. Не разработана система критериев единообразного сопоставительного анализа темпоральности в общем языкознании.

5. Отсутствуют фундаментальные сопоставительные исследования в области темпорологии французского и татарского языков. Проведенное нами сопоставительное исследование по аспектологии французского и татарского языков касается вопросов темпорологии лишь в той степени, в какой они позволяют раскрыть проблемы так называемого "внутреннего времени" ("temps impliqué" по Г. Гийому).

6. На материале татарского языка нет исследований, посвященных многим частным вопросам изучения морфологического и синтаксического времени, в частности, прагматическому аспекту временных форм глагола, структурно-семантическим особенностям темпоральных обстоятельств; не изучены референциальные особенности временных форм; нет работ по временной структуре текста, имплицитивно-пресуппозитивному аспекту функционирования временных форм.

В свете вышеизложенного целью нашего диссертационного исследования является комплексное изучение структуры, семантики и функционирования темпоральных форм во французском и татарском языках в сравнительно-сопоставительном плане с точки зрения ментальной работы человека на основе установления системных связей между языком-эталоном (единицей измерения) плана содержания и плана выражения с единым метаязыком описания. В рамках этой цели в диссертации были поставлены следующие конкретные задачи:

Уточнить физические, логические и философские основы лингвистического времени.

2. Выявить универсальную систему временных отношений, которая могла бы быть применима к любому языку.

3. Выявить универсальные темпоральные архи- и гипозначения.

4. Установить критерии классификации и исчисления плана содержания и плана выражения глагольных и неглагольных средств темпоральности.

5. Выявить систему разноуровневых средств выражения темпоральных значений.

6. Разработать модель языка-эталоны плана содержания и плана выражения, способную служить единой основой для сопоставления нашей пред-метной области в двух неродственных языках.

7. Показать, какие формы в сопоставляемых языках приспособляются к выражению тех или иных темпоральных значений.

8. Определить в сопоставляемых языках тенденции в использовании в речи различных средств для выражения темпоральных значений.

9. Разработать и применить методику ментального подхода к анализу отношений 'временная форма ∞ референциальная точка'.

10. Определить в каждом из сопоставляемых языков частотность употребления средств выражения темпоральных значений.

11. Установить функциональные соответствия между темпоральными значениями глагольных и неглагольных временных форм в двух языках.

12. Выявить общие черты темпорального высказывания в сопоставляемых языках.

13. Проследить особенности временной структуры текста.

В рамках этих основных задач параллельно решались более мелкие задачи: уточнение понятий система языка и структура языковой формы, контекст, микроконтекст, макроконтекст, темпоральная ситуация; уточнение и переосмысление в свете новейших достижений современной лингвистики семантического и прагматического аспектов временных форм глагола и неглагольных средств эксплицитного темпорального контекста и соотношения эксплицитно выраженных средств темпоральности с их имплицитивно-пресуппозитивным компонентом.

Методика исследования. Особенностью данной работы является, во-первых, изучение средств выражения темпоральных отношений в двух языках как в семасиологическом, так и в ономасиологическом плане и, во-вторых, изучение их как в системе, так и в речевых реализациях. В зависимости от содержания глав и принятого в них подхода к анализу языковых фактов модифицируются основные методы исследования. При *системно-семасиологическом* подходе в работе применялись методы дистрибутивного, трансформационного, компонентного и ментально-логического анализа. При *функционально-ономасиологическом* анализе комплекса средств выражения темпоральных значений использовались методы контекстно-ситуативного, ментально-логического, количественного анализа, метод сопоставления переводов. Исследование проводилось преимущественно в синхронном срезе.

Материалом исследования послужили примеры из произведений французских и татарских писателей 20-го и конца 19-го веков в подлинниках и переводах. Ввиду того, что непосредственных переводов художественных текстов с одного сопоставляемого языка на другой не осуществлялось, при сопоставительно-ономасиологическом анализе языковых средств в пятой главе мы пользовались в основном переводами на эти языки романа Льва Толстого "Воскресение". Отдавая себе отчет в том, что перевод может отличаться от оригинала и что практически невозможно добиться полной адекватности текста на разных его языковых уровнях, мы отбирали методом разумной выборки те примеры, в которых языковая форма выступает в требуемом категориальном значении. Кроме этого основного корпуса данных, мы использовали фактологический материал, собранный из периодических изданий, языковую компетенцию информантов, а также собственную языковую компетенцию.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые проводится сопоставительный анализ в системе и речи категории времени высказывания во французском и татарском языках на основе единого языка-эталоны.

Впервые в сопоставительных исследованиях предложена методика сравнительно-сопоставительного анализа межуровневой категории темпоральности на основе дедуктивно-индуктивно исчисленной модели языка-эталона, которая может явиться универсальной моделью для анализа синтаксической категории времени в разноструктурных языках.

В процессе разработки языка-эталона определены принципы моделирования и предложен оригинальный опыт моделирования плана содержания и плана выражения темпоральности.

Для системы временных форм татарского языка впервые применен семантико-функциональный подход к анализу глубинного содержания форм и участия эксплицитного и имплицитного контекста.

Темпоральные языковые единицы впервые рассматриваются в двух языках с точки зрения поверхностно-семантического, поверхностно-синтаксического, глубинно-семантического и глубинно-синтаксического уровней.

В диссертации предлагается оригинальная методика анализа временных отношений на поверхностном и глубинном уровнях и средств их выражения глагольными формами и внеглагольными обстоятельственными структурами с участием различных частей речи в первичной и вторичной синтаксических функциях в плане выявления референциального компонента. Эта оригинальная методика разработана нами на основе принципа семантического примитива, предложенная Анной Вежбицкой для типологии общей семантики синтаксиса (Wierzbicka 1972, 1980, 1992).

Новизна работы заключается также в том, что результаты, полученные в ходе исследования, могут обогатить общую теорию референции, а именно область временной референции как глагольной, так и – в особенности – неглагольной.

В диссертации предлагается значительный пласт понятий и терминов, которые составили терминологический аппарат исследования в области сравнительной темпорологии по аналогии с тем, что было впервые предложено нами в качестве метаязыка описания аспектуальности разноструктурных языков.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней впервые осуществляется сравнительно-сопоставительное исследование одной из основных категорий высказывания – категории времени – в двух разноструктурных языках, французском и татарском, а также решается значительный круг общих и частных вопросов теории видовременной системы двух языков.

Результаты исследования и теоретические положения работы могут быть применены в общелингвистических, социалингвистических, пси-

хо-лингвистических, когнитивных изысканиях, в теории перевода, в разработке соответствующих разделов сравнительной типологии французского и татарского языков, в разработке спецкурсов по сравнительной темпорологии разноструктурных языков и лингвистике текста. Предложенные общая и частные методики анализа языкового материала могут обогатить методику сопоставительного исследования языков с различной структурной организацией. Практический материал и теоретические положения и выводы могут также оказаться весьма плодотворными с точки зрения общей проблематики языковых универсалий и для дальнейшей разработки вероятностных обоснований в компаративистике.

Практическая ценность работы заключается в том, что результаты проведенного исследования могут использоваться в преподавании различных теоретических и практических сторон французского и татарского языков; ряд положений диссертации может послужить для решения многих вопросов учебно-методического характера, непосредственно связанных с созданием учебно-методических пособий и рабочих программ, системы упражнений, прогнозированием межъязыковой интерференции, при составлении учебника по сравнительной типологии французского и татарского языков, в преподавании соответствующих разделов теоретической и практической грамматики и лексикологии французского и татарского языков, практических занятиях по лингвистике текста и интерпретации текста, в переводческой практике.

Полученные в результате анализа языкового материала результаты позволяют вынести на защиту следующие положения:

1. Сущностью лингвистического времени, или темпоральности, является концептуализация временных отношений и оформление их определенными языковыми средствами.

2. Темпоральность представляет собой категорию высказывания с планом содержания и планом выражения; семантической доминантой плана содержания является отношение действия к точке отсчета, а план выражения конституируется разноуровневыми средствами и их взаимодействием. Кроме морфологического уровня, в представлении времени участвуют уровни лексический, лексико-синтаксический, высказывания и текста.

3. Логическое, физическое и философское понимание времени обуславливает понимание лингвистического времени, проявляющееся в качественной, количественной и качественно-количественной характеристиках. Качественный аспект темпоральности проявляется в том, что она представляет собой систему, основанную на трех типах отношения действия предиката к референциальной точке: предшествовании, си-

мультианности и следовании. Количественный аспект темпоральности проявляется в количестве протекания действия предиката во времени. Качественно-количественный аспект темпоральности сочетает в себе первые две ипостаси времени, добавляя кратную характеристику, и проявляется в исчислении действий.

4. Универсальным для языковых систем положением является наличие в них трех возможных референциальных точек: орцентрической точки отсчета – момента акта речи, аллоцентрической – момента речи в другом временном периоде, вспомогательной – референциальной точки, представляющей собой не момент речи, а третью точку отсчета как в виде глагольной, так и неглагольной синтагмы.

5. Глагольная временная референция представляет собой акт соотношения времени действия предиката с одним из трех типов референциальной точки – орцентрической, аллоцентрической, вспомогательной. Первые два типа акта референции рассматриваемого предиката релевантны в темпоральном контексте безотносительно к соседним глагольным предикатам, а лишь относительно момента речи – орцентрического или аллоцентрического. Третий тип акта глагольной референции релевантен в темпоральном контексте с несколькими глагольными предикатными центрами как относительно одного из них, так и относительно неглагольного обстоятельственного элемента, представляющих собой вспомогательную референциальную точку.

6. Темпоральный контекст, включающий как временную форму, так и его референт, может быть эксплицитным и имплицитным. При эксплицитном темпоральном контексте временной референт предиката высказывания представлен формальными языковыми элементами как в самом высказывании, так и за его пределами. При имплицитном темпоральном контексте временной референт предиката высказывания не имеет формальной языковой репрезентации и представлен темпоральным пресуппозитивно-имплицитивным компонентом ситуации высказывания.

7. В отличие от орцентрического или аллоцентрического момента речи, вспомогательная референциальная точка как эксплицитная, так и имплицитная может быть исчислена методом ментальной семантико-структурной реконструкции на основе принципа семантического примитива.

8. Неглагольная темпоральность обнаруживает аналогичные глагольной темпоральности глубинные характеристики – качественную, количественную и качественно-количественную темпоральные характеристики.

9. Неглагольные временные формы либо выражают дополнительное событие (например, выраженное процессным именем), сопровождающее основное в виде глагольного предиката, либо характеризуют действие глагольного предиката и представляют собой часть речи в первичной или вторичной функции обстоятельства. Неглагольные временные формы выступают временными локализаторами действия глагольного предиката.

10. Неглагольная временная референция представляет собой акт соотнесения опорного момента временного локализатора с его референциальным моментом, т.е. частным временным значением, уточняющим временную локализацию относительно некоего опорного момента. Референциальный и опорный моменты временной локализации связаны между собой одним из трех типов отношений трехмерного временного пространства: simultaneity (в этом случае они совпадают), предшествования и следования.

11. Временная структура текста, или структура дискурсивной репрезентации, конституируется категорией взаимного порядка действий, интегрирующей в единое логическое целое факты, находящиеся в различных временных отношениях качественного характера в рамках макроконтекста и составляющие его временную структуру.

Апробация работы. Материалы и результаты исследования были представлены на Всесоюзной конференции по сравнительно-сопоставительному изучению языков в Москве в 1985 г., на V Всесоюзной конференции по романскому языкознанию в Калинин в 1986 г., на Всесоюзной межвузовской конференции по системному и функциональному анализу языковых единиц в Белгороде в 1988 г., на I-ой Международной тюркологической конференции в Казани в 1993 г., на Всероссийской научно-методической конференции в Пензе в 1999 г., на научной межрегиональной конференции по сопоставительному языкознанию в БашГУ в 1999 г., на Республиканской научно-практической конференции в КГУ в 1999 г., на двух семинарах по проблемам прикладной лингвистики в Пензе в 1998 г. Кроме того, результаты исследования докладывались на Ленинских чтениях в МГПИ им. Ленина в Москве в 1985 г., обсуждались на кафедре грамматики французского языка МГПИ им. Ленина в 1984, 1985, 1986 гг., ежегодно с 1987 по 1999 гг. докладывались на научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава Казанского государственного педагогического университета, обсуждались на кафедре контрастивной лингвистики КГПУ в 2000 г. Основные результаты исследования отражены в 19 публикациях, в числе которых статьи, тезисы докладов, материалы выступлений, учебное пособие по сравнительной типологии фонологиче-

ских и морфологических систем французского и татарского языков (в соавторстве с З. З. Гатиатуллиной – 5 п. л.), 2 монографии (26 п. л.).

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных текстов и условных обозначений и краткого терминологического словаря.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность исследования, ее новизна, теоретическая и практическая значимость, материал исследования.

В первой главе рассматриваются общетеоретические проблемы времени: его физический, философский, субъективно-психологический, лингвистический аспекты.

Концептуализация времени (как экстралингвистического опыта) производится языковыми средствами микро- или макросистем, создание которых должно отвечает требованию двойного закона когерентности и взаимотносительности. Построение такой системы временных отношений предполагает определение отношений между объективным и лингвистическим временем.

Постулируемое в лингвистической литературе положение гласит, что временные отношения устанавливаются говорящим субъектом путем соотнесения действия с моментом речи (МР), являющимся основной точкой отсчета. Эта точка отсчета всегда объективна, ибо она концептуализирует реальную действительность, отражение же реального момента речи в языке – это компонент системы языка. В силу этого универсальным подходом является понимание времени как системы, основанной на трех типах отношения действия к точке отсчета: предшествовании, simultанности и следовании.

Чаще всего языковая реализация времени ассоциируется с выходом представления времени на морфологический уровень. Кроме морфологического уровня, в представлении времени неизбежно задействованы лексический, лексико-синтаксический уровни и – далее – уровни высказывания и текста, т.е. речь «идет об опоре на всю совокупность возможных средств и их комбинаций в языке» (Бондарко А.В.).

Мыслительно-формальная репрезентация времени неизбежно привела к понятийным и – далее – к функционально-семантическим категориям, связанным с полемым подходом к анализу языковых фактов. Этот подход оказался весьма продуктивным как в анализе категории в

отдельно взятом языке, так и при сопоставительном анализе этой категории в разных языках.

Комплексное осмысление лингвистического времени через понятийные и функционально-семантические поля привело к определению времени как категории широкой, получившей наименование «темпоральность».

Изучение категории времени как одной из универсальных логико-понятийных и лингвистических категорий обусловило особую важность методологических вопросов исследования и, в частности, предопределило подход к анализу языковых фактов и необходимость разработки универсальной модели сопоставительного изучения этой категории в разноструктурных языках. Руководствуясь вышесказанным, одну из первых задач мы видели в разработке концептуального аппарата исследования, который рассматривается в следующей главе.

Вторая глава диссертации содержит концептуальный аппарат исследования, основывающийся на установлении единого стандарта сравнения, который можно было бы примерить, по образному выражению В.Н. Ярцевой, к различным языкам независимо от их структурно-типологической принадлежности. Содержательно-формальная модель времени предопределила разработку стандарта сравнения как в плане содержания, так и в плане выражения, без которого, как отмечали теоретики контрастивных исследований (Успенский, Рождественский, Ярцева, Гак), невозможно единообразное описание и сопоставление неродственных языков, в особенности, если речь идет о категориях, выходящих за рамки морфологии на более высокий уровень – высказывания и текста.

В качестве единого подхода к описанию и сопоставлению нашей предметной области мы выбрали интегральный *семасио-ономасиологический* подход, учитывающий дуализм лингвистического знака как единства формы и содержания. Данный подход базируется на предварительно выявленных концептах универсального характера с целью изучения средств их языкового выражения. Взаимосвязь двух частных подходов – семасиологического и ономасиологического – заключается в соотнесенности концептуальных единиц с планом содержания формальных языковых элементов. Такой двуединый подход представляется наиболее целесообразным при сопоставительном исследовании языковых явлений, «ибо изучать их следует во всей системе форм и значений, имеющихся в данном языке» (Ярцева).

В рамках вышеозначенного подхода и единого стандарта сравнения исследование категории темпоральности проводится *на основе специ-*

ально разработанной универсальной модели сравнения темпоральных отношений и средств их выражения, которая зиждется на двух составляющих: метаязыке описания и языке-эталоне.

Принятым в диссертации метаязыком описания является понятийно-терминологический аппарат, синтезирующий наличный объем базовой терминологии исследуемой предметной области и техники ее анализа и включающий в себя два компонента: основной аппарат терминов понятийных и вспомогательный аппарат терминов технического анализа, куда входят сопутствующие понятия и термины в принятом нами понимании.

В состав метаязыка описания входят понятия и термины, объединенные единым понятийным универсумом, относящимся к темпоральному пространству. С учетом того, что на морфологическом уровне существует сопряженность темпоральных и аспектуальных значений, иначе говоря видовременная «надкатегория», в метаязыке описания эксплицируются также и основные аспектологические понятия. Ядром метаязыка описания являются термины и понятия, группируемые вокруг родового понятия «темпоральность».

Темпоральность понимается в трактовке А. В. Бондарко как категория с планом содержания и планом выражения. В плане содержания – это семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи (МР) говорящего или иной точке отсчета. В плане выражения она представляет собой функционально-семантическое поле, охватывающее комплекс грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т. п.) средств того или иного языка, используемых для выражения различных вариантов данной семантической категории (Бондарко 1990). В такой трактовке *темпоральность* эквивалентна времени в широком понимании слова.

Качественная темпоральность обозначает линейный порядок смены состояний процессов и событий, направленных от прошлого к будущему безотносительно к их «длению», но относительно определенной точки отсчета.

Количественная темпоральность оперирует понятием «дления», протяженности, количества протекания действия во времени, коммутирует с количественной аспектуальностью и относится к ближней периодики темпоральности.

Качественно-количественная темпоральность и *качественно-количественная аспектуальность* оперируют одними и теми же понятиями и, будучи производными от качественной и количественной тем-

поральной и аспектуальной характеристик процесса, являются вторичными и относятся к дальней периферии темпоральности.

Абсолютное и относительное время. Исходя из нашего понимания сущности времени согласно антиномии: 'время есть чистая длительность' и 'время есть порядок смены состояний реальных процессов', что соответствует философским понятиям 'абсолютное время' / 'относительное время' – мы резервируем за ними термины 'количественная темпоральность' / 'качественная темпоральность' в качестве темпоральных архизначений. В рамках качественной темпоральности мы выделяем значения *нонкальные* (от лат. *nunc* 'теперь': относительно момента речи) и *тонкальные* (от лат. *tunc* 'тогда': относительно другого временного ориентира), что соответствует традиционно принятым в грамматиках терминам 'абсолютное значение' / 'относительное значение' ('абсолютное время' / 'относительное время'). Согласно принятой традиции эти термины и употребляются в ссылках на других авторов. Таким образом, значения, традиционно называемые абсолютными и относительными, являются гипонимическими значениями и входят в родовое понятие «качественная темпоральность» в виде терминов 'нонкальное' / 'тонкальное' значения.

Сопоставление в диссертации проводится на основе специально разработанного **языка-эталона**, моделируемого дедуктивно-индуктивным методом. Язык-эталон предлагается как единица измерения, от которой можно было бы отталкиваться при описании и сопоставлении языков-объектов, соизмеряя их концептуальный и формальный уровни с соответствующими сторонами этой абстрактной модели языка. Этот абстрактный стандарт языка представляет собой знаковую модель с определенными допущениями, которую можно «примерить» к сопоставляемым языкам.

В нашем случае *языком-эталон* является *дедуктивно-индуктивно сконструированная двусторонняя формально-содержательная модель языка, способная служить единой основой для сопоставления языковых фактов в плане содержания и в плане выражения*. Эта единица сравнения исходит из посылки о том, что темпоральность есть категория высказывания, реализуемая средствами разных уровней и представляющая собой объективную реальность.

Планом содержания языка-эталона является иерархически организованная система логически исчисленных темпоральных значений, объединенных единым понятийным универсумом в виде отношения действия к моменту речи или другому временному ориентиру.

Посылкой для глубинного семантического языка послужила для нас антиномия, гласящая, что а/ время есть линейный порядок (качество) и б/ время есть длительность (количество). Эти качественные и количественные характеристики времени действия, вытекающие из указанной антиномии, представляют собой ядерные темпоральные архизначения, к которым добавляется качественно-количественная характеристика времени.

Качественная темпоральность образует ядро семантического поля темпоральности. Количественная темпоральность, связанная с длением действия во времени, интегрирована в единую темпорально-аспектуальную категорию; действие характеризуется с двух точек зрения: внутреннего протекания действия + внешнее время локализации. Качественно-количественная темпоральность, или исчисление действий, связана с количественно-кратными характеристиками временного представления действия, в большей степени характеризующими аспектуальные проявления действия, а потому относящимися к дальней периферии поля темпоральности.

При процедуре наименований частных временных значений мы основывались на традиционных терминах, принятых отечественными и зарубежными грамматистами, на нетрадиционных близких нашему пониманию терминах, предложенных Ф. Брюно и В.Н. Мигириным, а также, в случае необходимости, на собственных терминах, которые мы строили по традиционным принципам на основе латинских корней.

1. Порядок действия и акта речи.

1.1. Нонкальность: совпадение с МР (орцентрической точкой отсчета).

1.1.1. Симультанность действия с МР.

1.1.2. Предшествование действия МР.

1.1.3. Следование действия за МР.

1.2. Тонкальность: несовпадение с МР.

1.2.1. Симультанность действия с аллоцентрической точкой отсчета.

1.2.2. Предшествование действия аллоцентрической точке отсчета.

1.2.3. Следование действия за аллоцентрической точкой отсчета.

1.3. Взаимный порядок действий: последовательность действий относительно друг друга.

1.3.1. Однорядковость параллельно совершающихся действий.

1.3.2. Разнорядковость последовательно совершающихся действий.

2. Длительность действия.

2.1. Ограниченность действия.

2.2. Неограниченность действия.

3. Исчисление действия / действий (линейный порядок + длительность).

3.1. Однократность действия (ограниченного / неограниченного).

3.2. Многократность действия (ограниченного / неограниченного).

3.3. Повторяемость действия (ограниченного / неограниченного).

Планом выражения языка-эталона является знаковая модель исследуемой предметной области в виде типологии логически исчисленных базовых формальных средств выражения значений плана сожержания.

Типология моделей строится с учетом семантического и структурного принципов. Временная локализация процесса может указываться ядерными и периферийными средствами. Ядерными являются средства предикации с глагольным центром – сказуемое. Периферийными являются средства, сообщающие событию или действию общую темпоральную ориентацию – средства неглагольные, формализуемые различными частями речи, выступающими как в первичных, так и во вторичных синтаксических функциях, а также имплицитные средства темпорального контекста.

В моделях участвуют четыре основные части речи: глагол (V), наречие (Adv), имя существительное (N), имя прилагательное (Adj).

Принимая во внимание различную структурную организацию французского и татарского языков, специфика которых проявляется и во внешней структуре предложения, мы унифицируем в практических целях формальную репрезентацию компонентов модели без учета различного порядка слов в предложении сопоставляемых языков, располагая на первом месте глагол, являющийся ядром предикатного комплекса. Это одно из неизбежных допущений знаковой модели языка-эталоны, дающее возможность универсализировать метаязык для сравнения разносистемных языков. Типология построена методом индуктивно-дедуктивным и, следовательно, с известными ограничениями содержательного и формального уровней:

1. Глагольное сказуемое в граммеме времени: *Préd.V.*

2. Обстоятельство времени: *D.*

2.1. Обстоятельство, выраженное наречием в первичной синтаксической функции: *Adv'D.*

2.2. *Обстоятельство, выраженное именем существительным в первичной синтаксической функции: N¹D.*

2.3. *Обстоятельство, выраженное именем существительным с предлогом / послелогом: (N + P)D.*

2.4. *Обстоятельство, выраженное причастным оборотом: Part D.*

2.5. *Обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом: Ger D.*

2.6. *Обстоятельство, выраженное инфинитивным оборотом: Inf D.*

2.7. *Обстоятельство, выраженное прилагательным во вторичной синтаксической функции: Adj²D.*

3. *Пресуппозиция, импликация + ситуация высказывания: M^o (нулевой маркер).*

В третьей и четвертой главах диссертации производится системно-семасиологический анализ темпоральных значений глагольных и неглагольных форм в двух языках.

Третья глава посвящена семасиологическому описанию и сопоставлению темпоральных значений глагольных форм, разделенных нами на три основные группы согласно принадлежности временным периодам. Соотносимые формы объединены на основе самых общих парадигматических значений. В результате получены презенс, претерит, перфект, имперфект, формы тонкального предшествования и футурум. В каждой временной форме указанных групп рассматривалась структурная и глубинная организация, отслеживались значения плана содержания со строгим соблюдением подхода к анализу и терминов плана содержания, рассматривались их прагматические и референциальные особенности и проводилось сопоставительное описание на уровне глубинной и поверхностной структур. Семасиологический анализ производился как на монопредикативном уровне, так и на полипредикативном, т.е. на уровне текста.

Наше исследование подтвердило тезис, выдвинутый в конце 90-х гг. П.В. Дурстом-Андерсеном о том, что не все языки грамматикализованы на одной основе, и что разные языки группируются вокруг определенных гипертипов, соответствующих трем уровням когнитивных структур. Согласно этой теории, грамматические категории и синтаксические структуры отдельного языка построены на одном из следующих элементов: либо на коммуникативном намерении говорящего, либо на сообщении, адресованном для слушающего, либо на ситуации, символом которой служит структура предложений такого языка. Так, татарский

язык, как и турецкий, относится к языкам, ориентированным на говорящего с гиперкатегорией «прямое / не прямое восприятие», а французский язык в его устном коде без PS ориентирован на реальность. То есть татарский язык можно отнести к супертипу “speaker-based languages” с ориентацией грамматической системы на выражение впечатлений говорящего в широком смысле слова, причем эта гиперкатегория грамматизована во всех трех временных периодах и формально выражена частицей –дыр, а французский язык относится к супертипу “reality-languages”, ориентированному на ситуацию реальности, на что В.Г. Гак указывал уже в 1974 г.

Презенс (*Présent* и *Хәзерге заман*) в двух языках имеет аналогичное толкование глубинной структуры, являющееся универсальным в силу объективного статуса субстрата объективной реальности. Настоящее составляет основу лингвистической временной системы, тогда как два других дейктических измерения могут быть определены лишь по отношению к этому моменту. Настоящее выступает как категория семантически не маркированная системы трехмерного темпорального пространства.

Временные формы презенса поливалентны и могут иметь либо дейктическое значение, противопоставляющее ее другим временным формам прошедшего и будущего, либо значение атемпоральное, вне-временное. Выражая действие нонкальное, т.е. совпадающее с актом речи, презенс характеризуется определенной временной протяженностью благодаря соположению хронотипа ω прошлого и хронотипа α настоящего-будущего:

Cette année, - dit-il en riant un peu, - l'hydrothérapie *se limite* à une douche en plein air (Ph. Hériat). Дөнъям шулай ипле генә *бапа* (М. Кәрим).

В силу этого действие приобретает растяжимость и выражает качественное значение нонкальной одновременности, сопровождаемое количественным значением «дления».

Психосистематическая характеристика глубинной сущности презенса как формы немаркированной, стоящей «одной ногой в прошлом, другой ногой в будущем», определяет способность формы соотноситься с любым временным периодом. Это нашло свое выражение в функционировании презенса во вторичных синтаксических функциях.

В функции транспозиции презенс может выражать значения следования МР и предшествования МР. В этом случае при семантическом несогласовании контекста и временной формы наблюдается разрыв между реальным и грамматическим временем и на первый план выходит коммуникативно-прагматический аспект высказывания: говорящий

представляет будущее действие в МР с коннотативным оттенком уверенности; представляя прошлое действие в МР, говорящий как бы оценивает произошедшее с точки зрения момента речи:

Hier il vient et me dit... / Кичә ул килә дә миңа әйтә...

Demain je vais à la campagne / Ирмәгә мин авылга барам.

В функции нейтрализации презенс употребляется в обобщенных высказываниях, как-то: пословицы, поговорки, прописные истины, научные и философские тексты, т.е. в высказываниях, не соотносимых с определенным актом речи:

Bien des gens veulent paraître ce qu'ils ne sont pas (Grevisse) / Күп кеше үзеннән яхшырак булырга тырыша.

В повествовании в функции транспозиции формы презенса не дейктичны, не имеют шифтеров и легко заменяются во французском языке формой претерита, в татарском языке либо претеритом, либо перфектом благодаря семе неочевидности последнего. Переход от формы прошедшего времени к презенсу происходит безболезненно для логики и для структуры текста, но прагматический аспект меняется: из серии последовательных событий акцент делается на тех, которые выражены презенсом.

Качественно-количественное значение многократности действия в презенсе находится в тесной зависимости от неглагольных средств контекста, коммутирует с качественно-количественными значениями аспектuality и является периферийным.

О статусе *Passé simple* и *Билгеле үткән заман* как форм претерита можно говорить в зависимости от их функционирования в микроконтексте – простом высказывании с одним предикатом – и в макроконтексте с несколькими предикатами. В первом случае действия в претерите представлены безотносительно к качественной характеристике – порядку действия и акту речи, к количественной характеристике – длительности действия и качественно-количественной характеристике – исчислению действия / действий. В простом высказывании эти формы лишь указывают на историческую реальность действий:

Auguste désigna Tibère pour son successeur (Grevisse).

Алтын Урда ханы Мәңге Тимер, урыс гаскәре белән килеп, аерылып чыгарга теләгән Болгарны жир белән тигезләде (М. Хәбибуллин).

В более широком контексте (простом высказывании с несколькими предикатами или в тексте) претерит может выражать все три типа темпоральной характеристики. Из значений качественной темпоральности PS и БУЗ выражают взаимный порядок действий, а именно разнопорядковость последовательно совершающихся действий. Как и значения

качественной темпоральности, количественная и качественно-количественная разновидности темпоральности могут быть выражены как предельными, так и непредельными глаголами. Окончательный их статус будет складываться из трех факторов: собственной семантики временной формы, собственной акциональной семантики глагольной лексемы и аспектуальной семантики сирконстанта.

В претеритальной функции французская форма PS и татарская форма БУЗ обнаруживают полный изоморфизм, а при выражении не-предельными глаголами в этих формах вторичного для них аспектуального значения начинательного способа действия обнаруживается частичный изоморфизм: если форма PS непредельных глаголов самодостаточна для выражения этого периферийного значения, то в татарском языке ведущая роль принадлежит вспомогательному глаголу в аналитической структуре, а временная форма БУЗ проявляет «благосклонность» к функционированию аналитической структуры в этой форме: *Elle rit / Ул кәпәп жибәрде*.

Алломорфизм двух языков проявляется в том, что французский претерит *Passé simple* в отличие от татарского Билгеле үткән заман рассматривается только как «знак письма», как сугубо литературная «нарративная» форма. Она практически не употребляется в речи, за редким исключением некоторых региональных говоров, что является маргинальным для PS. Татарская же форма БУЗ употребляется как в письменной, так и устной речи. Татарская форма БУЗ гораздо более функциональна, чем PS. Кроме претеритальной функции, она может функционировать как перфект и плюсквамперфект. В функции транспозиции PS имеет стилистическое употребление с целью подчеркнуть внезапность события. Татарская форма БУЗ транспонируется только в речевой функции и выражает значение неканального следования качественной темпоральности.

Как французский, так и татарский перфект (*Passé composé* и *Нәтиҗәле үткән заман*) имеет в лингвистической литературе неоднозначную трактовку как временной, так и видовой формы. PS и БУЗ проявляют изоморфизм в плане выражения всех трех типов темпоральных архизначений. Временное значение неканального предшествования является ядерным значением перфекта, видовое значение перфективности – периферийным:

Je sais que j'ai vécu d'emprunts un certain temps (I.Allende).

Хәмитжан ... бөтен гомерен берьюлы бүтән бер гомерне саклау өчен биргән (М. Кәрим).

В обоих языках можно говорить о различной семантической виртуальности глаголов в перфекте в зависимости от переходности / непереходности.

ходности глагола. Непереходные глаголы в перфекте (*Il est venu* / Ул килгән) выражают значение качественной темпоральности нонкального предшествования. Переходные глаголы следует рассматривать в зависимости от конклюдивной / неконклюдивной схемы высказывания. В конклюдивных ансамблях (*Il a mangé une pomme* / Ул алма ашаган) возможны два варианта: 1) состояние прямого дополнения и 2) действие, произведенное субъектом и приведшее объект к соответствующему состоянию.

Высказывание с точки зрения субъекта, имплицитное процесс, содержит акциональный перфект и выражает предшествование моменту речи. Высказывание с точки зрения объекта, имплицитное состояние, содержит статальный перфект и выражает в качестве первичного значения постфинитное состояние объекта – результат предшествующего процесса.

Высказывания с неконклюдивными конструкциями могут быть рассмотрены лишь с точки зрения субъекта действия, и трактовка их будет зависеть от контекста: в '*Hier Pierre a bien mangé*' / 'Кичә Зиннур әйбәт ашаган' и в '*Maintenant il a bien mangé*' / 'Хәзер ул әйбәт ашаган' речь идет соответственно об акциональном перфекте со значением нонкального предшествования и статальном перфекте с семантикой состояния = (*maintenant*) *il est rassasié* / (хәзер) ул тук, ул туйган; сам же процесс, предшествовавший этому состоянию, отодвинется на второй план и, следовательно, временное значение становится вторичным.

Оба перфекта легко функционируют в повествовании. Как нарративная форма перфект употребляется в претеритальной функции. В широком контексте перфект в этой функции актуализирует значение взаимного порядка действий качественной темпоральности.

Татарский перфект отличается большей функциональностью, чем его французский аналог, что можно объяснить отсутствием в татарском языке различия между формами плана повествования и плана речи.

Во вторичной функции транспозиции французский и татарский перфекты употребляются по-разному: в отличие от татарского перфекта, французский перфект реализует различные прагматические потенции. При выражении нонкального следования речь идет о резкой форме инъюнктивного побуждения, при выражении тонкального предшествования действию в будущем высказывание представляет собой иллюкутивный акт обещания, например: *As-tu fini de crier!* (резкая форма инъюнктивного побуждения ⇒ значение нонкального следования; *Vous n'attendrez pas longtemps: j'ai fini dans une minute* (иллокутивный акт обещания ⇒ значение тонкального предшествования в будущем).

Имперфект (*Imperfait* и *Дэвамлы уткән заман*) в обоих языках в магистральных чертах совпадает. С точки зрения психосистематики, имперфект представляет прошедшее действие как бы расчлененным на две части – часть совершившуюся без указания на начало и конец и часть совершавшуюся в прошлом, также без временных ограничений. Этот глубинный уровень имперфекта позволяет характеризовать его как время кинетическое со свойственным ему внутренним динамизмом, постоянно трансформирующим несовершенство в совершившееся.

Базовым значением имперфекта является значение процессности, развертывания действия, не лимитированного в прошлом, что соответствует выражению количественной темпоральности:

C'était la belle journée qui se préparait (A. Camus).

Этиеннәр бу хәлне белә иде (М.Кәрим).

На основе базового значения имперфекта развилось значение имперфекта дескриптивного. В обоих языках семантика временной формы согласуется с акциональной семантикой неопределенных глаголов. Предельный глагол в имперфекте, имплицитно указывающий на точечность в силу своей акциональной семантики, выражает ограниченную длительность во времени, коммутируемую с аспектуальным значением делимитативного способа действия.

Качественно-количественная темпоральность характеризует глагольное действие в имперфекте как с обстоятельственной поддержкой, так и без таковой. Без обстоятельственной поддержки качественно-количественная – кратная – характеристика действий повторяющихся или привычных и количественная характеристика неограниченной длительности является первичным значением глагола в имперфекте в зависимости от дискретного или недискретного характера глагольной семантемы. С обстоятельственной поддержкой речь идет об аспектуальной – вторичной – качественно-количественной характеристике глагола в имперфекте. Значение качественно-количественной темпоральности релевантно при семантическом согласовании. При семантическом несогласовании высказывание не истинно.

В макроконтексте, когда речь идет о серии действий в ИМП в прошлом временном периоде, эти действия в рамках серии расположены последовательно относительно друг друга, выражая взаимный порядок.

В обоих языках как в узком, так и в широком контексте имперфект может употребляться для обозначения действия-декора, на фоне которого происходит закончившееся в прошлом однократное действие, или для передачи состояния героев событий, разворачивающихся на фоне этого состояния. Это так называемый симультанный имперфект, также семантически согласующийся с глаголами неопределенными. В таком

употреблении имперфект выражает неограниченную длительность количественной темпоральности:

Quand nous parvînmes au pont de Saint-Cloud, *il faisait tout à fait sombre* (L. Céline).

Макарий бу хакта берәүгә дә сөйләмәде, әмма халык *белә иде* инде (М. Хәбибуллин).

В обоих языках имперфект может употребляться в транстемпоральной функции, осуществляющей связь между прошлыми мыслями и внутренним видением прошедших событий при описания фрагмента, выпадающего из линии повествования и представляющего собой либо несобственно прямую речь, либо внутренний монолог, либо авторскую вставку с описанием характеристики персонажей, их взаимоотношений, состояния с различными комментариями:

Jean Pradelle ... *voulut me connaître*. Il se fit présenter par un camarade. [...] *Il avait lui-aussi l'allure d'un jeune homme de bonne famille* (S. de Beauvoir). / Жан Прадель минем белән танышырга теләде. Мине анын белән бер кеше таныштырды. [...] Ул яхшы гаиләдән булырга *ошый иде*.

При всем разнообразии речевых и текстовых темпоральных значений имперфекта, они не выходят за рамки глубинной структуры формы, за исключением вторичных синтаксических функций.

Алломорфизм между двумя языками проявляется в том, что французский имперфект обладает большей функциональной экстенсивностью, нежели татарский. Французская форма может соотноситься с любым временным периодом, и только контекст или ситуация снимают широкие семантические потенции французского имперфекта. Это объясняется структурными особенностями двух форм: французский имперфект образуется от основы глагола в 1-м л. мн. ч. в презенсе, татарский имперфект представляет собой аналитическую форму с глаголом 'иде' с длительным акционалом. Именно эта особенность французской формы объясняет широкое употребление французского имперфекта во вторичных функциях и общее расширение сферы влияния. Семантическое пространство татарского имперфекта уже: он не соотносится с будущим временным периодом, в отличие от своего французского аналога. С другой стороны, татарский имперфект употребляется – кроме общего для обеих форм значения нонкального предшествования – и в значении тонкального предшествования.

Французский имперфект, в отличие от татарского, часто используется во вторичной функции транспозиции как точечная временная форма, что находит свое распространение как в художественной литературе, так и в прессе. В этой нарративной функции IMP глаголов с пре-

дельным акционалом повторяет коммуникативно-прагматическое поведение PR: автор ставит целью привлечь внимание читателя именно на этих событиях. Татарская форма в функции транспозиции употребляется в речи. Прагматическая характеристика совпадает с характеристикой французской формы. Кроме того, татарская форма, оставаясь в прошедшем временном пространстве, может выражать значение ближайшего прошедшего.

В функции нейтрализации французский имперфект, хоть и редко, но употребляется, в отличие от его татарского аналога.

В татарском языке существует отдельная временная форма глагола для выражения качественно-количественного темпорального значения многократности в прошлом, а именно многократный имперфект *кабатлаулы үткән заман*. В этой временной форме качественно-количественная темпоральность коммутрует с качественно-количественной аспектуальностью. Это единственная глагольная временная форма, в которой темпоральная и аспектуальная характеристики действия представлены паритетно.

Значение качественной темпоральности – предшествования первичной или вторичной точке отсчета – находится наверху иерархически организованного комплекса значений качественной темпоральности и качественно-количественных коммутлируемых между собой темпорально-аспектуальных значений.

Плюсквамперфект, сложный претерит (*Plus-que-parfait* /Алдан үткән заман и *Passé antérieur*) и формы тонкального предшествования (*Temps surcomposés*). Форма плюсквамперфекта обоих языков соединяет в себе поверхностно-глубинные характеристики перфекта и имперфекта. Действие в плюсквамперфекте выражает отношение предшествования качественной темпоральности относительно вторичной точки отсчета в прошлом, расположенной в более широком контексте:

Кичә цирктагы жылыш алдыннан ул мине монда чакырган иде (Г.Ибрагимов) / Il m'avait invité de venir ici hier avant la réunion.

В широком контексте действие в плюсквамперфекте актуализирует значение предшествования серии последовательных событий в прошлом.

Тонкальное предшествование действия не обязательно эксплицируется средствами одного высказывания. Такое предшествование имеет место при наличии как минимум двух предикативных центров: это может быть паратаксис, союзный паратаксис, гипотаксис. В независимом предложении с одним предикативным центром предшествование предполагает более широкий контекст, в котором находится точка отсчета.

В речевых высказываниях и без соответствующих показателей зафразового контекста плюсквамперфект в обоих языках функционирует как перфект. В повествовании плюсквамперфект в обоих языках может функционировать как претерит.

Временные значения сопровождаются аспектуальными значениями терминативности или дуративности в зависимости от предельного или непредельного акционала глагольной семантемы и контекстного окружения.

Во французском языке, в отличие от татарского, существует тройная корреляция 'прошедшие' / 'предпрошедшие' формы: Plus-que-parfait / Imparfait, Passé antérieur / Passé simple, Passé surcomposé / Passé composé. Они проявляют как структурный, так и функциональный изоморфизм. Ядерным значением предпрошедших форм является выражение темпорального значения тонкального предшествования. У предельных глаголов это значение сопровождается аспектуальным значением терминативности, ср.: *il avait travaillé* / *il était venu*, ул эшләгән иде / ул кайткан иде.

Особенностью французских претеритальных форм является их принадлежность литературно-письменному языку, а особенностью сверхсложных форм является их маргинальный характер в глагольной системе французского языка, низкая частотность в разговорной речи и нулевая частотность в литературном языке. В разговорной речи, появление в которой сверхсложных форм регулируется географическим фактором, PQR и PSC, находясь в дополнительной дистрибуции, выражают сходные значения качественной темпоральности. Все три французские предпрошедшие формы – PQR, PA, PSC – функционально изоморфны с татарской формой Алдан үткән заман.

Футурум (*Futur simple-FS I, Futur dans le passé-FS II, Futur antérieur-FC I, Futur antérieur dans le passé-FC II, Bilgesez киләчәк заман-КЗ I, Билгеле киләчәк заман-КЗ II, Киләчәк үткән заман-КҮЗ*). Временные формы будущего в двух языках выражают значение качественной темпоральности следования за первичной (FS I, КЗ I, КЗ II) или вторичной точкой отсчета (FS II, КҮЗ) и придают высказыванию ярко выраженную модально-иллокутивную силу, тесно связанную с временной характеристикой.

Изоморфизм соотносимых форм объясняется их структурно-семантической организацией. В обоих языках речевые высказывания в будущем времени представляют собой семантико-прагматические высказывания с четкой пропозициональной грамматической формой и прагматической характеристикой. Темпоральная характеристика форм будущего в речевом акте находится в тесной связке с иллокутивной си-

лой высказывания в зависимости от семы «лицо / не-лицо». Сочетание 'я + Буд.' может быть интерпретировано как акт обещания; сочетание 'ты + Буд.' – как приказ, пророчество или предсказание. Сочетание 'не-лицо + Буд.' может иметь три вида модально-иллокутивной интерпретации: необходимость/ неизбежность, вероятность и возможность:

* *Je passerai donc vous prendre à huit heures et demie* (M. Druon). Бер атнадан сугылырмын (М. Кәрим).

* *Tu reviendras lorsque tu seras calmé* (F. Moriac). Син миңа бу хәлне аңлатырсың әле (Ф. Яруллин).

* *Votre influence grandira à mesure que votre caractère s'affermira* (M. Grevisse). Күз карар, күл эшләр (Н. Исәнбәт).

Алломорфизм между двумя языками проявляется в том, что противопоставление временных форм в татарском языке не связано с выражением временных различий с точки зрения согласования времен, являющегося обязательным во французском языке. Этим можно объяснить дистрибутивные особенности форм будущего в прошлом: функционирование в косвенной речи в придаточном предложении французской формы и функционирование в независимом предложении татарской формы. Алломорфизм проявляется также в том, что, в отличие от татарского языка, во французском существует противопоставление временных форм следования не только в плане согласования времен, но и в плане последовательности действий как в настоящем, так и в прошлом временном пространстве.

В четвертой главе производится семасиологический анализ *неглагольных форм* темпорального контекста. Эти средства рассматриваются на глубинном и поверхностном уровнях, выявляются глубинно-семантические и поверхностно-семантические, глубинно-синтаксические и поверхностно-синтаксические особенности различных частей речи в функции обстоятельства. В общекомпозиционном плане обстоятельство может быть монокомпозитным, состоящим из одного временного компонента, бикомпозитным, состоящим из двух компонентов, трикомпозитным, состоящим из трех компонентов.

В плане семантики можно говорить о поверхностно-семантическом и глубинно-семантическом уровнях. На поверхностно-семантическом уровне обстоятельство выражает одно из значений точечной или линейной временной направленности. На глубинно-семантическом уровне обстоятельство как временной локализатор состоит из двух компонентов: «референциального» и «опорного» времен-

ных моментов (термины заимствованы нами в Падучева 1988:192, но в несколько иной трактовке).

В синтаксическом плане можно говорить о поверхностно-синтаксическом и глубинно-синтаксическом уровнях. На поверхностно-синтаксическом уровне неглагольные формы указывают на первичную синтаксическую функцию, на глубинно-синтаксическом уровне они выступают во вторичных синтаксических функциях.

Референциальным моментом временного локализатора в диссертации называется частное временное значение, уточняющее временную локализацию относительно некоего опорного момента; родовым термином **опорный момент** временного локализатора именуется компонент, являющийся либо дополнительным временным моментом или событийным фоном, рассматриваемым в качестве исходного момента, относительно которого локализуется во времени основное действие, либо временным отрезком большей или меньшей протяженности двух типов: 1) автономно и непосредственно локализуящим действие и 2) специфицирующим линейный интервал между двумя точками: референциальным моментом – точкой реальной временной локализации основного действия – и исходного события. Момент исходного опосредованного события называется **исходно-опорным моментом**, непосредственно-автономный отрезок как и линейный интервал между исходным событием и референциальным моментом – **ситуативно-опорным** моментом. Например:

Aujourd'hui / буген – ситуативно-опорный компонент глубинно-семантического уровня временного локализатора;

Deux jours avant / ике кән элек: avant / элек – референциальный момент, *deux jours / ике кән* – ситуативно-опорный момент глубинно-семантического уровня временного локализатора;

Deux jours avant la fête / бәйрамгә хәтле ике кән элек: avant / элек – референциальный момент, *deux jours / ике кән* – ситуативно-опорный момент, *la fête / бәйрам* – исходно-опорный момент глубинно-семантического уровня временного локализатора.

Референциальный и опорный моменты точечной временной локализации связаны между собой одним из трех типов отношений: simultaneity (в этом случае они совпадают), предшествования и следования; референциальный и опорный моменты линейной временной локализации связаны отношением ретроспективности и проспективности.

Сопоставительный анализ показал, что в плане передачи темпоральных значений неглагольными средствами французский и

татарский языки проявляют глубинный изоморфизм, который, очевидно, можно считать явлением универсальным.

Наречие. Наречие как определитель процесса является основной частью речи, участвующей в конституировании обстоятельств. Наречия, конституирующие временные обстоятельства, делятся на две основные группы: 1. Наречия, не подверженные тернарной временной секвентной зависимости и 2. Наречия, подверженные тернарной временной секвентной зависимости. Первую группу составляют наречия дистантно-оценочные. Вторую группу составляют наречия орцентрические, аллоцентрические и биаксиальные.

Дистантно-оценочные наречия, к которым относятся наречия с парадигматическими значениями 'рано' / 'поздно' (tôt / иртә, tard / соң), будучи не зависимыми от временной расчлененности относительно МР или иного временного ориентира, указывают на общее дистантное значение от «идеального момента», который может быть представлен двумя случаями:

- а) указанием на ранний / поздний момент временного отрезка;
- б) указанием на предшествующий / последующий момент обычной или актуальной точки отсчета, не являющейся моментом речи, а определенным ориентиром, установленным либо общечеловеческим опытом, либо конкретной ситуацией.

Наречия, характеризующие тернарной временной расчлененностью, подразделяются на три группы: орцентрические, аллоцентрические и биаксиальные.

Орцентрические наречия, указывающие на временную локализацию действия относительно МР в настоящем, выражают на поверхностно-семантическом уровне один из трех типов отношений: simultanéité (aujoud'hui / бүген), предшествование (hier / кичә) и следование (demain / иртәгә), или, не проявляя избирательности к одному из этих трех типов временных отношений, могут сочетаться с двумя из них, образуя четвертый тип смешанных орцентрических наречий (tout à l'heure / әле генә). На уровне глубинной семантики они репрезентируют ситуативно-опорный момент временного локализатора.

Аллоцентрические наречия, указывающие на временную локализацию действия относительно отличной от МР временной вехи, выражают на поверхностно-семантическом уровне аллоцентрическую simultanéité (alors), предшествование (auparavant) или следование (depuis) во французском языке и аллоцентрическую simultanéité (шулчак) и следование (иртәгесен) в татарском языке; ниша значения

аллоцентрического предшествования заполняется в татарском языке орцентрическими неглагольными средствами.

На глубинно-семантическом уровне аллоцентрические наречия указывают на референциальный момент временной локализации по отношению к исходно-опорному, который либо эксплицитно маркируется в темпоральном микро- или макроконтэксте, либо имплицитно маркируется ситуацией макроконтэкста.

Для определения референциального и опорного моментов временного локализатора в диссертации используется принцип реконструкции временного обстоятельства на основе единого семантического примитива: для опорного момента семантическим примитивом может быть либо конкретная лексема с родовым значением темпорального контекста, либо субститут, представляющий в свернутом виде соотносимые события; для референциального момента таковым может быть наиболее общий грамматизованный субститут с абстрагированными значениями временной дифференциации. Например, в отрывке *'Il allait réfléchir. Auparavant il voulait me demander quelque chose (A. Camus)'* исходно-опорный момент наречия 'auparavant' находится в соседнем предложении, т. е. представлен в макроконтэксте, а все имплицитное обстоятельство может быть представлено в следующем виде: 'avant de réfléchir'. В этом реконструированном обстоятельстве 'auparavant' как элемент анафорический превращается в предлог 'avant', указывающий на предшествование в первичной номинации. Такой принцип ментальной семантико-синтаксической реконструкции временных обстоятельств на основе единого семантического примитива может быть применен для реконструкции обстоятельств всех трех типов временных отношений: для реконструкции предшествования можно взять самую немаркированную словоформу без всяких дополнительных смысловых оттенков, каковыми являются предлоги 'перед', 'до' (avant / хәтле); для реконструкции следования можно взять 'после', 'за' (après / соң); для реконструкции simultанности можно предложить 'в то время, когда' (pendant / чакта).

Особенностью орцентрической и аллоцентрической систем наречий в двух языках является функциональная экстенсивность орцентрических наречий и жесткость аллоцентрических. При этом французские орцентрические наречия могут соотноситься как с неопределенными, так и с определенными временными формами глагола, тогда как аллоцентрические употребляются только с определенными временными формами. В татарском языке такой жесткой избирательности нет, поскольку оппозиция по признаку неопределенность / определенность в глагольных временных формах не столь обозначена.

Биаксиальные наречия соотносятся как с МР, так и с иной временной вехой и выражают все три типа временных отношений.

Биаксиальные наречия simultanéité (*encore, toujours, эле, һаман, гел*) на поверхностно-семантическом уровне выражают значение орцентрической и аллоцентрической одновременности действия с временным ориентиром. На глубинно-семантическом уровне они амальгамно указывают на референциальный и ситуативно-опорный момент временной локализации.

Биаксиальные наречия предшествования (*avant / алдан, элек, d'abord / башта, autrefois / кайчандыр*) на поверхностно-семантическом уровне выражают значение орцентрического и аллоцентрического предшествования определенному временному ориентиру. На глубинно-семантическом уровне эти наречия представляют референциальный момент временного локализатора относительно исходно-опорного момента, формально отсутствующего в микроконтексте, но эксплицитно представленного в темпоральном макроконтексте или имплицитно маркированного ситуацией темпорального макроконтекста.

Биаксиальные наречия следования (*après / сонрак, bientôt / озакламыйча*) на поверхностно-семантическом уровне выражают орцентрическое или аллоцентрическое следование за определенной временной вехой. На уровне глубинной семантики эти наречия указывают в основном на референциальный момент временного локализатора. Исходно-опорный момент может быть представлен как эксплицитно в темпоральном контексте, так и имплицитно маркирован ситуацией.

Во французском языке наречия могут выступать во вторичной функции транспозиции (*le style de maintenant*), выражая свернутую предикативность, ср.: *les bonnes manières de jadis* ⇒ *les bonnes manières qu'il avait eu jadis*. В татарском языке этой функцией наречия не обладают, поскольку, добавляя грамматическую морфему, наречие адъективируется (*эле + ке = элекке*), в чем полностью проявляется агглютинативность татарского языка.

Предлоги / послелоги. Французские предлоги и татарские послелоги, являясь служебными словами, участвуют в составе обстоятельственных групп с базовым именным компонентом и – реже – с базовым наречным компонентом. В татарском языке наречие, употребленное с послелогом, субстантивируется, ср.: *кичә* ⇒ наречие, *кичәдән бирле* ⇒ отадвербиальное существительное.

В плане содержания ядро этих служебных слов образуют формы с чисто темпоральным значением (*а, алдыннан*), периферию – формы,

сочетающие темпоральные значения со значениями способов действия (jusque, бирле).

На поверхностно-семантическом уровне предлоги / послелогии выражают значения качественной и количественной темпоральности, часто сочетая темпоральные и аспектуальные значения способов действия с большей или меньшей степенью их интегрированности.

На глубинно-семантическом уровне предлоги / послелогии указывают на референциальный момент временной локализации.

В плане выражения ядро этих служебных слов представляют формы, оторванные от знаменательных частей речи (dans, dès, pendant, jusque; бирле, кадэр, тикле), периферию – формы, тесно связанные со знаменательными частями речи (avant, depuis; арада, соң, выкытында). В целом при аналогичном плане содержания в номенклатурном плане в татарском языке темпоральные послелогии более многочисленны, чем французские предлоги, и характеризуются большей связью со знаменательными частями речи (наречием и существительным).

Имя существительное. В функции временного обстоятельства принимают участие имена существительные двух семантических разрядов: лексико-семантическая группа темпоральных существительных и лексико-семантическая группа процессных существительных.

В ЛСГ темпоральных существительных в диссертации выделяются две подгруппы: имена существительные с качественно-темпоральными значениями и имена существительные с количественно-темпоральными значениями. *Качественно-темпоральные N* (le futur / киләчәк), подверженные тернарной временной дифференциации, в обоих языках немногочисленны в системе и мало частотны в функционировании. *Количественно-темпоральные N* не подвержены тернарной временной расчлененности и, представляя многочисленный разряд темпоральной именной лексики, обладают широкими комбинаторными потенциями и участвуют в различных структурных типах обстоятельств: монокомпозитном именном с детерминантом или без (се jour-là, шул көнне) структурном типе, бикомпозитном структурном типе: биименном (à deux heures du matin, иртән уннарда), предложно / послеложно-именном (un mois après, бер айдан соң), адъективно-именном (l'an dernier, үткән елы), глагольно-именном (ça fait deux jours, ике көн бар), трикомпозитном структурном типе: предложно-послеложно-биименном (deux mois avant la fête, бәйрәмгә хәтле ике ай элек), адъективно-биименном (les premiers jours de la semaine, атнаның беренче көннәрендә).

Общее темпоральное значение высказывания не зависит от темпоральной семантики существительного, являющегося либо ситуативно-опорным моментом, либо референциальным моментом временного локализатора.

ЛСГ процессных имен существительных свободна от тернарной временной расчлененности и от отношений качественно-количественной темпоральности. В отличие от темпоральных N, относящихся к ядру класса темпоральных существительных, а потому комбинаторно активных, процессные N относятся к периферии класса существительных и, как следствие, имеют меньшую комбинаторную активность: они участвуют в конституировании бикомпозитных предложно / послеложно-именных (*avant les semailles*, чэчү алдыннан) и трикомпозитных предложно / послеложно-биименных (*deux mois avant les élections*, сайлауга хэтле ике ай элек) и адъективно-биименных (*les premiers jours des semailles*, чэчүнең беренче көннәрендә) обстоятельственных групп.

В поверхностно-семантической структуре обстоятельства имени существительные выражают значения качественной и количественной темпоральности. В глубинно-семантической структуре обстоятельства имени существительные репрезентируют либо исходно-опорный, либо ситуативно-опорный момент временного локализатора: качественно-темпоральные N выражают исходно-опорный момент, количественно-темпоральные N – исходно-опорный и ситуативно-опорный моменты, процессные N – исходно-опорный момент временного локализатора. Исходно-опорный компонент бикомпозитных и трикомпозитных обстоятельственных групп, репрезентируемый процессным N, в обоих языках выражает свернутую предикативность и способствует тем самым языковой экономии.

Имя прилагательное. Поскольку имя прилагательное соотносится с денотатом только через определяемое им имя существительное, его темпоральные функции в диссертации рассматриваются в адъективно-именных структурах. В их конституировании принимают участие прилагательные трех ЛСГ: ЛСГ дистантно-оценочных прилагательных, ЛСГ прилагательных со значением качественной темпоральности и ЛСГ прилагательных со значением количественной темпоральности.

ЛСГ дистантно-оценочных прилагательных указывает на общее значение дистантности от некоего идеального момента. Это указание может быть представлено тремя типами:

- указание на ранний / поздний момент какого-либо временного отрезка или какого-либо события (*les conversations tardives, соңғы сөйләшүләр*);
- указание на приближенный / отдаленный момент какого-либо временного отрезка или события (*le lointain passé, муз арада*);
- указание на предшествующий / последующий момент обычной или актуальной точки отсчета, являющейся или моментом речи, или определенным событийным ориентиром (*le dernier baiser du rendez-vous, актык жавап*).

На поверхностно-синтаксическом уровне темпоральные прилагательные являются атрибутивным членом предложения. На глубинно-синтаксическом уровне они выступают во вторичной функции обстоятельства. На поверхностно-семантическом уровне эти прилагательные не выражают значения качественной и количественной темпоральности, а указывают на общее дистантное значение от некоего момента, установленного либо конкретной ситуацией, либо обобщенной ситуацией, либо обыденным сознанием. На глубинно-семантическом уровне прилагательные этого разряда указывают на референциальный момент временного локализатора, ситуативно-опорный момент которого может быть представлен либо эксплицитно в темпоральном контексте, либо имплицитно ситуацией.

Дистантно-оценочные прилагательные, употребленные с именами существительными темпоральной семантики во множественном числе во французском языке (*les derniers temps*) и в единственном и множественном числе в татарском языке (*соңғы вакытта, соңғы вакытларда*), покидают ЛСГ дистантно-оценочных прилагательных и присоединяются к ЛСГ прилагательных со значением качественной темпоральности, выражая на поверхностно-семантическом уровне значение simultaneity МР, что подтверждает тезис Гюстава Гийома о том, что момент настоящего содержит хронотип будущего и хронотип прошлого не только в системе глагольных временных форм, но и в системе неглагольных временных форм.

Прилагательные ЛСГ со значением качественной темпоральности (*actuel, ancien, précédent, prochain, хәзерге, элекке, баягы, алдагы*) на поверхностно-синтаксическом уровне выступают в атрибутивной функции. На глубинно-синтаксическом уровне они выступают в функции обстоятельства: *l'événement actuel / хәзерге вакыйга* ⇒ событие, которое имеет место в настоящее время / *сейчас*. Как и дистантно-оценочные прилагательные, прилагательные качественной темпоральности относятся к периферии класса прилагательных.

На поверхностно-семантическом уровне прилагательные качественной темпоральности выражают все три типа временных отношений как орцентрических, так и аллоцентрических. На глубинно-семантическом уровне эти прилагательные могут указывать либо на референциальный, либо на ситуативно-опорный момент временной локализации.

Прилагательные ЛСТ со значением количественной и количественно-кратной темпоральности (*dominical, nocturne, matinal, жэйге, кәндәге, иртәнге*) не подвержены трехмерной временной расчлененности и передают определенные количественные отношения – протяженность и кратность во времени. На поверхностно-синтаксическом уровне, как и любое другое прилагательное, они являются атрибутивным членом предложения; на глубинно-синтаксическом уровне эти прилагательные выступают в функции обстоятельства: *la quête dominicale* ⇒ *la quête qui a lieu (le) dimanche*, *кичке савым* ⇒ *кич була торган савым*. Как и предыдущие два типа прилагательных, они относятся к периферии класса прилагательных. На поверхностно-семантическом уровне эти прилагательные передают количественное и количественно-кратное значения. На уровне глубинной семантики эти прилагательные указывают на ситуативно-опорный момент временной локализации.

В пятой главе производится сопоставительно-ономасиологический анализ временных форм, позволивший выявить особенности их функционирования не только на уровне высказывания, но и на уровне текста.

Инвентарь средств выражения тех или иных темпоральных отношений определяется системой правил предпочтения, свойственной сопоставляемым языкам, что позволило установить доминантные и рецессивные средства выражения рассматриваемого категориального значения. ***Изоморфизм*** в выборе средств выражения темпоральных значений в двух языках объясняется синтаксическим статусом исследуемой категории: как известно, синтаксис отражает общие закономерности мышления. ***Алломорфизм*** в выборе средств выражения темпоральных значений объясняется тем, что при передаче одинаковых объектов реальной действительности французский и татарский языки используют языковые средства, отражающие их структурно-типологическую организацию.

Глагольная качественная темпоральность.

Доминантным средством выражения **нонкальной симультанности** в обоих языках является глагольная форма настоящего времени; к этому средству в татарском языке добавляется процессное имя.

Нонкальное предшествование в двух языках передается несколькими глагольными формами, доминантными среди которых являются перфект (как акциональный, так и статальный) и менее частотный плюсквамперфект. Презенс, хоть и уступает предыдущим формам, но является все же достаточно функциональной формой передачи нонкального предшествования в силу глубинной экстенсивности: из двух хронотипов этой временной формы – хронотипа будущего и хронотипа прошлого – именно последний выводится на поверхностную структуру. Имперфект в обоих языках выражает значение нонкального предшествования у глаголов курсивных и употребляется в двух языках с одинаковой частотностью. Претерит, в отличие от французского языка, в котором он является рецессивным средством, в татарском является достаточно распространенным благодаря своей широкой функциональной растяжимости и способности выступать не только как претерит, но и как перфект и плюсквамперфект.

Поле средств выражения нонкального следования конституируется Futur simple, Futur immédiat и Présent во французском языке и Киләчәк заман I, Киләчәк заман II, Хәзерге заман и причастием III (причастием будущего) в татарском языке. Доминантными являются FS I во французском языке и КЗ II в татарском (Je lui *viendrai* en aide / ярдәм *итәчәкмен*), что объясняется явно выраженной иллюкутивной модальностью этих двух временных форм. В тех случаях, когда иллюкутивная сила высказывания не столь ярко выражена, эти формы уступают место Futur immédiat во французском языке и Киләчәк заман I в татарском (Nous *allons vérifier* / *тикшерербез*). Участие презенса в обоих языках для передачи нонкального следования обуславливается актуализацией хронотипа будущего глубинной организацией этой временной формы. Татарское причастие будущего функционально эквивалентно французскому инфинитивному обороту и процессному существительному, выступающим в полупредикативной функции (Кул куяр өчен / *pour la signature, à signer*).

Семантическая зона тонкальной симультанности в двух языках представлена широким спектром гетерогенных средств: имперфектом, герундиальными (причастными и деепричастными) комплексами в двух языках. Французский язык к ним добавляет претерит, плюсквамперфект и инфинитивный оборот, татарский – форму первого прошедшего. Доминантным средством во французском языке является имперфект, а в татарском имперфект (Son père *souhaitait* les pages d'une revue / әтисе бер журнал битләрен *кисә иде*) и прошедшее определенное (Sofia Ivanovna *paraît* l'enfant / Софья Ивановна кызны *матур итеп киләндерде*), что

объясняется его широкой семантико-функциональной растяжимостью, а также предикатоиды в виде имен действия на -ган.

Основное расхождение между двумя языками заключается в том, что французский язык для выражения тонкальной симультанности выбирает глагольные временные формы, а татарский предпочитает процессное имя существительное (*Il savait que cet amour était en elle* / Нехлюдов Катюша күнелендә шундый мәхәббәтнең *ятканын* белә иде), в чем проявляется специфика татарского языка: языковая экономия и стремление к номинативным средствам отображения действительности.

Системное выражение тонкального предшествования плюсквамперфектом в обоих языках испытывает жесткую конкуренцию со стороны других временных форм глагола и синтаксических конструкций. Плюсквамперфект является доминантным средством выражения тонкального предшествования в микроконтексте. В обоих языках в плюсквамперфекте стоят предикаты высказываний типа 'достижение', а в имперфекте – предикаты высказываний типа 'деятельность': высказывания первого типа, выражая по своей природе внутреннюю аспектуальную характеристику точечности, употребляются в плюсквамперфекте (*Il avait perdu sa clientèle* / барысында биздереп *бетергән* иде); высказывания второго типа, связанные с временным линейным интервалом, выражая по своей природе внутреннюю аспектуальную характеристику дуративности, употребляются как в имперфекте, так и в плюсквамперфекте (...le mari, relieur, *gagnait* autrefois bien la vie / электә ул яхшы гына *яши* иде). Специфической чертой татарского языка является наличие вспомогательных глаголов, непосредственно указывающих на аспектуальный тип предиката 'достижение', и именно этот тип употребляется в плюсквамперфекте. Функциональный изоморфизм проявляют французский плюсквамперфект и татарские конструкции с причастием II в качестве доминантных средств (*Elle le remercia de tout ce qu'il avait fait pour elle* / ул ана *эшләгән* эшләре өчен рәхмәт укый иде). Имперфект, перфект, претерит, причастные конструкции прошедшего времени (в двух языках), инфинитивная конструкция прошедшего времени во французском языке, деепричастная конструкция и процессное имя в татарском языке фиксируют значение тонкальной anteriорности с одинаковой частотностью.

В темпоральном макроконтексте при передаче тонкальной anteriорности не относительно MP в прошлом, а относительно другой, вспомогательной, референциальной точки в прошлом, языки обнаруживают значительные расхождения. Если во французском языке предикат в имперфекте может быть временным антecedентом к PS, PC, и даже к PQP (*Les planches qui recouvraient les murs avaient été dérobées*), то в татар-

ском языке случаи выражения тонкального предшествования имперфектом относительно претерита, перфекта и плюсквамперфекта нам не встретились. Французский имперфект тонкального предшествования проявляет функциональный изоморфизм с татарскими конструкциями с причастием II (*La fréquentation de cet homme et son histoire firent comprendre à Nekhludov beaucoup de choses qu'il ne concevait pas auparavant* / Бу кеше белән якыннан танышу һәм аның башыннан үткәннәрен ишетү Нехлюдовка моңа кадәр билгеле булмаган бик күп нәрсәләрне ачып бирде). Французский плюсквамперфект может быть функционально эквивалентен татарскому перфекту, конструкциям с причастием II и процессному имени с результативной семантикой (*avait créé* / *оештырган* өчен). Французский простой претерит PS функционально изоморфен татарскому акциональному перфекту (*Elle était devenu révolutionnaire parce que, dès son enfance, la vie des maîtres lui déplut et qu'elle lui préféra celle des simples* / Аның сөйләвенә караганда, ул бала чагында ук господлар тормышына *жирәп* караган, ә гади кешеләр тормышын *яраткан*), французский сложный претерит PA чаще всего соответствует в татарском языке процессному имени существительному с результативной семантикой с синтагматически эквивалентным деепричастным оборотом (*à peine se fut-il installé* / ул утыру белән ук, ул утыргач ук).

Сходной чертой двух языков является также то, что как в микро-, так и в макроконтексте французские полупредикативные комплексы в виде инфинитивного оборота прошедшего времени и причастного оборота прошедшего времени (*infinitif passé* и *participe passé composé*) имеют такую же частотность в речи, что и герундиальные (причастные и деепричастные) конструкции прошедшего времени в татарском языке. И, наконец, значение тонкального предшествования может быть эксплицитно выраженным в одном языке и пресуппозицируемым в другом языке, ср.:

Les relations affectueusement fraternelles qui s'étaient établies

Нәзакәтле туганлык мөнәсәбәтләрен Ø.

Набор средств выражения тонкального следования в двух языках характеризуется доминирующим положением формы Futur simple II во французском языке и причастием будущего (причастием III) в татарском, коммутируемым с именем действия (*II s'efforcera de se rendre* / барырга *тырышачагын* белдереп). К менее частотным средствам во французском языке относятся перифрастическая иммедиатная конструкция будущего в прошлом FIP, сложное будущее FC I, сложное будущее II FC II, предложно-инфинитивная конструкция и периферийные средства – контекстно зависимые и логически обусловленные плюск-

вамперфект и имперфект во французском языке и будущее I, презенс и процессное имя – в татарском. Референциальная точка может иметь различную репрезентированность: она может быть как непосредственным эксплицитным антецедентом, так и опосредованным имплицитным антецедентом. Глагольный антецедент часто опускается там, где он проявляет семантическую избыточность. Татарскими функциональными аналогами FS II выступают формы будущего КЗ I и причастие будущего времени на -ачак, коммутируемое с процессным именем.

В целом французский язык располагает большим набором средств выражения тонкального следования, чем татарский.

Временная структура текста (ВСТ) представляет собой совокупность отношений, связывающих факты и временные отрезки, к которым отсылает текст, где фактом является событие / действие / состояние или вообще ситуация (Molendijk 1993). ВСТ представляет собой систему с планом содержания и планом выражения. *В плане содержания* ВСТ представляет собой структуру временных отношений неонкальной или тонкальной тернарной расчлененности, связанных между собой магистральной семантической нитью *взаимного порядка действий*. *В плане выражения* ВСТ состоит из комплекса темпоральных маркеров в виде глагольных форм, соотносящихся с определенной референциальной точкой как эксплицитной, так и имплицитной, и, следовательно, имеющей статус основной или вспомогательной.

Минимальный темпоральный контекст, релевантный для наличия семантической зоны взаимного порядка действий, может быть представлен высказыванием как минимум с двумя глагольными синтагмами (не считая референциальной точки), или макроконтекстом с единым логико-смысловым универсумом серии высказываний.

Семантическая зона взаимного порядка действий в темпоральном макроконтексте может отображать два типа значений и их сочетание:

*Однопорядковость фактов, совершающихся параллельно: имеет в своей логической основе значение *симультанности* с референциальной точкой: *On m'enseigne au cours les papes et les conciles; mais je m'intéressai bien davantage au destin de mon pays; [...]on me fit lire quantité de romans et de récits historiques (S. de Beauvoir) / Дәрес вакытларын да миңа дин өһелләре һәм дини кануннар турында сөйләделәр, ә мин үз илемнен язмышы белән күбрәк кызыксындым; мине тарихи романнар һәм хикәяләр укырга мәжбүр иттеләр (С.де Бовуар).*

*Разнопорядковость фактов, совершающихся последовательно: имеет в своей логической основе отношение 'предшествование'∞ 'следование' относительно референциальной точки: *Nekhlu-*

dov *se rappela* les pénibles moments qu'il *avait passés* à cause de cet homme: le jour où, croyant tout découvert, il *s'était préparé* à un duel, bien résolu toutefois à tirer en l'air; et cette terrible scène avec sa maîtresse, lorsque, désespérée, elle *s'était* enfuie dans le jardin vers un étang, pour s'y noyer, et qu'il *avait couru* de tous côtés à sa recherche (L. Tolstoï). Нехлюдов үзенең бу кешегә карата булган бөтен әрнүле минутларын исенә төшерде: бервакыт ул, хатыны белән булган ике арадагы мөнәсәбәтне белгән икән дип уйлап, аның белән дуэльгә әзерләнгән һәм дуэль вакытында һавага атарга уйлаган иде; шундый дөһшәтле минутта аның хатыны, өметсезлектә бирелеп, суга ташланмакчы булып, бакчага, буа янына йөгереп чыгып киткән, һәм Нехлюдов аны йөгәрә-йөгәрә эзләп йөргән иде (Л. Толстой).

*Совмещение в одном макроконтексте однопорядковости и разнопорядковости. Le monsieur de belle prestance à favoris, le colonel, le marchand et d'autres encore *levaient* leurs mains et *pliaient* leurs doigts comme le prêtre *l'exigeait*... D'autres y *mettaient* moins de conviction et de force. Les uns *répétaient* les mots d'une voix trop ferme... D'autres, par contre, *se contentaient* d'un chuchotement, *perdaient* le fil, puis *rattrapaient* le prêtre d'un seul coup... (L. Tolstoï). Бакенбардлы, күренекле кыяфәтле әфәнде, полковник, купец һәм башкалар кулларын бармак очларын бергә *жыеп китереп*, бу эштән аеруча ләззәт тапкандай *тоталар*, башкалары исә теләмичә һәм ничек булса да яرار дигән кебек кенә *эшиләр*. Кайберләре [...] священник сүзләрен артык каты кычкырып *кабатлылар*, ә икенчеләре авыз эченнән генә *пышылдыйлар*, священниктан артка *калалар* һәм аннары ...аны вакытсыз *куып житалар* (Л. Толстой).

Во всех трех случаях отдельные факты ВСТ могут выражать один из трех типов темпоральных отношений относительно референциальной точки, каковой может быть либо нулевая референциальная точка, т.е. МР, либо предустановленная референциальная точка. Последняя может быть как эксплицитной, так и имплицитной. Эксплицитной референциальной точкой может быть временная форма одной из глагольных синтагм или временной отрезок в виде обстоятельств различного типа (предикатив, указание даты). Имплицитной референциальной точкой может быть как presupпозитивный, так и имплицитивный компонент временного факта.

Предустановленная (вспомогательная) обстоятельственная референциальная точка как эксплицитная, так и имплицитная может быть выявлена методом ментальной семантико-синтаксической реконструк-

ции на основе принципа семантического примитива следующим образом:

* Опорный момент предустановленной бикомпозитной обстоятельственной точки отсчета может быть реконструирован путем замены эксплицитных средств предтекста именным субститутотом с родовым обобщающим значением;

* Референциальный момент (не путать с референциальной точкой – точкой отсчета) предустановленной бикомпозитной обстоятельственной точки отсчета может быть реконструирован при помощи добавления служебного предложно / послеложного компонента – носителя значения одного из трех типов временной расчлененности – предшествования, симультанности, следования, например, ‘до’, ‘после’, ‘во время’ (этих событий);

* Предустановленная обстоятельственная точка отсчета может быть сведена к монокомпозитной обстоятельственной структуре, также выявленной в результате ментальных семантико-синтаксических трансформаций и сведенной к наречию с родовым темпоральным значением. В этом случае исходно-опорный момент временного локализатора не будет выведен на поверхностную структуру, но останется в его глубинной памяти. Например, в высказывании ‘Ему пришлось многое выстрадать, потерять близких и друзей, испытать предательство и измену, чтобы, наконец, очиститься духовно и физически’ глагольная синтагма ‘очиститься духовно и физически’ связана со своей предустановленной референциальной точкой, или точкой отсчета, отношением тонкального следования; эта предустановленная референциальная точка может быть ментально сведена к реконструированному бикомпозитному обстоятельству в виде ‘после (всего) пережитого (всех этих событий, всего этого)’, состоящему из референциального момента (служебного компонента) и исходно-опорного момента (именного компонента). Вспомогательная референциальная точка отсчета может быть также монокомпозитной: в этом случае исходно-опорный момент обстоятельства не выводится на поверхностную структуру, но остается в глубинной структуре, а предложно / послеложный служебный компонент транспонируется в наречие, ср.: ‘*потом* он очистился духовно и физически’.

Номенклатура средств выражения однопорядковости и разнопорядковости действий в двух языках в целом совпадает. Для выражения однопорядковости – это имперфект и претерит в обоих языках и презенс в татарском языке; для передачи разнопорядковости – это претерит и плюсквамперфект в обоих языках, к которым во французском языке добавляется имперфект.

Категория взаимного порядка действий является магистральной логической категорией, интегрирующей в единое дискретное целое факты, находящиеся в различных временных отношениях в рамках макроконтраста и конституирующие его временную структуру. Реальное соотнесение фактов с временным интервалом обуславливает интерпретацию временной структуры с использованием не только грамматического времени, но и других средств, отображающих свойства темпоральной ситуации, в частности, именных синтагм и обстоятельств, выраженных различными ЧР в первичных и вторичных синтаксических функциях.

Когнитивный анализ ВСТ, или структуры дискурсивной репрезентации, показал жизнеспособность для обоих сопоставляемых языков следующего положения:

«Если высказывание имеет временную пресуппозицию и импликацию, то можно говорить о сосуществовании трех виртуальных точек отсчета в связи с возможностью временной ориентации к трем моментам:

- к моменту, соответствующему временному пресуппозитивному компоненту высказывания,
- к моменту, соответствующему временному имплицативному компоненту высказывания,
- к моменту, соответствующему отрезку времени, занимаемому фактом, указанным эксплицитно (Molendijk 1990).

Проиллюстрируем это на следующем примере:

La première fois, ma sœur m'*accompagna* rue de Varenne et nous *fûmes* toutes deux *effarouchées*. Elizabeth ...*avait* une sœur, un grand frère, six frères et sœurs plus jeunes qu'elle, une ribambelle de cousins et de petits amis. Ils *couraient*, *sautaient*, *se battaient*, *grimpaient* sur les tables, *renversaient* des meubles, *en criant*. A la fin de l'*après midi*, Madame Mabilie *entrait* dans le salon, elle *relevait* une chaise, elle *épongeait en souriant* un front en sueur; je m'*étonnais* de son indifférence aux bosses, aux taches, aux assiettes cassées: elle ne *se fâchait* jamais (S. de Beauvoir).

В этом темпоральном макроконтрасте насчитывается 15 временных фактов (F): '*accompagna*' (F1), '*fûmes effarouchées*' (F2), '*avait*' (F3), '*couraient*' (F4), '*sautaient*' (F5), '*se battaient*' (F6), '*grimpaient*' (F7), '*renversaient*' (F8), '*en criant*' (F9), '*entrait*' (F10), '*relevait*' (F11), '*épongeait*' (F12), '*en souriant*' (F13), '*étonnais*' (F14), '*se fâchait*' (F15).

Смысловая временная структура этого текста может быть рсчленена на 4 блока. Первый блок составляют глагольные синтагмы F1 и F2, в котором F1 конституирует предустановленную референциальную точку, относительно которой PS второй глагольной синтагмы F2 '*fûmes ef-*

farouchées' передает значение тонкального следования на поверхностно-синтаксическом уровне: F2 следует за F1 чисто формально. Ментально же F2 выражает тонкальное следование относительно второго блока, конституируемого глагольными синтагмами F4 – F9, которые, будучи рассмотрены в единстве, выражают однопорядковость параллельно совершаемых действий. Референциальной точкой дискретного единства второго блока является его пресуппозитивный компонент 'ils décidèrent de jouer', потому что, прежде чем играть в определенном отрезке времени, нужно принять решение до этого момента. Блок 3 этого макроконтекста конституируется глагольными синтагмами F10 – F13 и передает в своей внутренней структуре разнопорядковость последовательных действий, производимых мадам Мабий; причем эти действия выражены в IMP de rupture, возможном в данном контексте связующему элементу в виде обстоятельства временного отрезка 'à la fin de l'après-midi', которое служит для блока 3 предустановленной референциальной точкой. Блок 3 как единство выражает значение частичной simultанности относительно блока 2 как единства; референциальной точкой блока 3 является 'pendant le jeu', которую мы получили в результате семантико-синтаксической реконструкции всего блока 2, заменив всю дискретную ситуацию (courir, sauter и т.д.) родовым именем существительным процессной семантики с предлогом со значением simultанности 'pendant'. В результате этих трансформаций мы получаем, что мадам Мабий вошла в комнату к концу игры детей и производимые ею действия соотносятся с частью отрезка времени, занимаемого игрой. И, наконец, блок 4 как единство этого макроконтекста, конституируемое F14 и F15, связан с предыдущими двумя блоками 2 и 3 также отношением simultанности, но simultанности глобальной, а референциальной точкой этого блока является реконструированный субститут блоков 2 и 3, который можно сформулировать как 'pendant tout cela'. Внутренняя же структура последнего блока состоит из двух компонентов, первый из которых – F14 в PS – выражает значение тонкальной simultанности относительно второго компонента F15 в IMP, являющегося его референциальной точкой.

Неглагольная темпоральность.

Неглагольная темпоральность точечной временной направленности.

Средства выражения *орцентрической точечности* представляют собой микросистему элементов-дейктиков, организующихся вокруг МР и соотносящихся с одним из членов трехмерной оппозиции (simultанность / предшествование / следование). Они могут также представлять

смешанный тип, безразличный к основной трехчленной оппозиции и сочетающийся либо со всеми тремя, либо с двумя членами временной оппозиции: *tantôt* / эле генэ (симультанность / предшествование), *un de ses jours* / бу арада (симультанность / предшествование / следование). Характерной чертой членов этого поля является монопольный статус носителей значений орцентрической точечности адвербиальных слов с парадигматическими значениями 'сейчас' (*maintenant* / хэзер), 'вчера' (*hier* / кичэ), 'завтра' (*demain* / иртэгэ).

При передаче значений орцентрической точечности языки обнаруживают как системный, так и функциональный изоморфизм речевых эквивалентов. Ядерным и доминантным средством является структурный тип Adv¹ D (*maintenant* / хэзер, *hier* / кичэ, *demain* / иртэгэ) в первичной синтаксической функции, тогда как средства во вторичной функции обстоятельства относятся к периферийным, но являются при этом весьма частотными [например, структура (N+Adj²) D (өченче көн)].

Оба языка варьируют средства выражения от традиционных системных до нетрадиционных окказиональных как эксплицитно выраженных, так и имплицитруемых ситуаций. Описывая одну и ту же ситуацию и отображая при этом различные ее стороны, языки проявляют избирательность, с которой соседствуют семантическая и структурная избыточность, проявляющаяся в том, что не все элементы глубинной структуры высказывания могут быть выведены в поверхностную структуру неглагольной темпоральности. Семантически избыточный неглагольный темпоральный элемент в высказывании может либо соотноситься со своим эксплицитным антецедентом, либо, в отсутствие такового, с самим денотатом высказывания и, следовательно, имплицитроваться ситуацией [*il rentre (en se toment)* / ул (хэзер) кайтып килэ].

Средства выражения **аллоцентрической точечности** представляют собой микросистему неглагольных элементов, организующихся вокруг вторичной точки отсчета. В обоих языках, в отличие от средств орцентрической неглагольной точечной темпоральности, микросистема аллоцентрических средств не обладает смешанным типом. Поле средств выражения аллоцентрической точечности характеризуется в обоих языках большим разнообразием: наречие и имя существительное в первичной синтаксической функции обстоятельства (*auparavant, le lendemain*), прилагательное во вторичной функции обстоятельства (*les derniers jours* / соңгы көннэрэндэ), предложно / послеложно-именная обстоятельственная группа (*deux jours après* / ике көннән соң), инфинитивный оборот (*voir entrer*), герундиальный оборот в виде деепричастия (*écoutant* / тыңлап). Референциальной точкой этих обстоятельств могут быть гла-

гольная синтагма, неглагольная обстоятельственная синтагма и сама ситуация. Характерной чертой конститuentов этого поля является монополярный статус носителей значений аллоцентрической точечности адвербиальных слов с парадигматическими значениями 'тогда' (alors / шулчак), 'накануне' (la veille / бер кен элек), 'на следующий день' (le lendemain / иртәгесен). Остальные средства в обоих языках заимствованы из системы орцентрических неглагольных средств.

В темпоральном макроконтексте отношения неглагольного следования тесно переплетаются с неглагольным предшествованием и выходят на уровень отношений взаимного порядка действий. Основной различительной чертой двух языков является то, что татарский язык обнаруживает большую унифицированность в выборе средств неглагольного следования в тексте при повторном обозначении, в отличие от французского языка, пользующегося более разнообразным арсеналом средств выражения неглагольного следования в макроконтексте. Стремление избежать логических повторов – характерная черта законов построения французской речи – обнаруживается и при выражении темпоральных отношений.

Биаксиальная, или нейтральная точечность соотносится как с МР, так и с другой референциальной точкой. Поле биаксиальных неглагольных средств составляют различные части речи: наречие, имя существительное, имя прилагательное, семантика глагола (речь идет об их лексических значениях). Сюда же относятся такие средства, как 'maintenant' / 'хәзер', 'aujourd'hui' / 'бүген', являющиеся в их системном значении орцентрическими, но способные транспонироваться в аллоцентрические при функционировании. В макроконтексте при наличии во временной структуре отношений 'предшествование' / 'следование' один из компонентов может опускаться и выявляться ситуацией. Некоторые элементы приобретают контекстно-темпоральное значение (le premier / беренче). Наречия (bientôt, d'abord, après, avant, тиз, озакламыйча, элек, аннары), существительные (la prescription, la prédiction, la conséquence, l'avenir, le futur, le passé, боерык, киләчәк), адъективные формы, в том числе прилагательное и причастные формы (ancien, suivant, présent, futur, элекке, хәзерге, киләчәк) распределены в речи с одинаковой частотностью.

Различительной чертой французских биаксиальных наречий является их двойная транспозиция в таких примерах, как 'l'âme de jadis', 'les pensées d'autrefois', в которых наречие на поверхностно-синтаксическом уровне выступает в атрибутивной функции в именной группе и на глубинно-синтаксическом уровне выступает как обстоятельство времени не основного предиката высказывания, а именного компонента

в реконструированном виде: 'l'âme qui était la sienne jadis', 'les pensées qui étaient les siennes autrefois'. В татарском языке такая двойная транспозиция наречий не отмечается.

Неглагольная темпоральность линейной временной направленности.

Непременным компонентом линейных структур в обоих языках является квантитативный элемент в сочетании с вводящими конструкциями или предложно / послеложным компонентами:

* *ça fait deux jours qu'il pleut* / ике көннән бирле яңгыр ява ⇒ *орцентрическая ретроспективная линейность* с открытой глубинной структурой;

* *il y a deux jours qu'il a plu* / яңгыр явганга ике көн бар⇒ *орцентрическая ретроспективная линейность* с закрытой глубинной структурой;

* *ça a (avait) fait trois jours qu'elle était malade* / ул авырганга өч ай булды⇒ *аллоцентрическая ретроспективная линейность* с открытой глубинной структурой;

* *ça a (avait) fait deux jours qu'il était parti* / ул киткәнгә ике көн булды⇒ *аллоцентрическая ретроспективная линейность* с закрытой глубинной структурой;

Орцентрическая проспективная линейность может иметь как точную, так и приблизительную оценку в обоих языках. Это значение с точной оценкой обеспечивается в двух языках сочетанием предложно / послеложного компонента 'dans'/'соң' с квантифицированным именем существительным, к которому при приблизительной оценке добавляется элемент коннотативной приблизительной оценки, ср.: *Il partira dans trois jours* / ул өч көннән соң китәр ∞ *Il partira dans les trois jours* / ул чамасы өч көннән соң китәр).

Аллоцентрическая проспективная линейность также может иметь точную и приблизительную оценку. Это значение с точной оценкой обеспечивается в двух языках сочетанием предложно / послеложного компонента 'après, plus tard' / 'соңрак' с квантифицированным именем существительным, которое во французском языке при приблизительной оценке меняет предложный компонент с точным значением на предложный компонент с приблизительной оценкой ('après, plus tard' на 'avant / sous, dans les'), а в татарском языке к прежнему сочетанию добавляет лексический элемент с приблизительной оценкой (*il quitta la ville cinq mois après* / ул биш ай соңрак шәһәрдән китте ⇒ точная оцен-

ка; il partit sous deux mois / ул ике ай чамасы соңрак китте $\Rightarrow$ приближительная оценка).

В заключении приводятся общетеоретические выводы.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Сравнительная типология фонологических и морфологических систем французского и татарского языков (в соавторстве с Гатиатуллиной З.З.). – Казань, 1983. – 77 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 30.05.1983, № 13127.

2. К вопросу о сопоставительном исследовании видовых значений в прошедших временах изъявительного наклонения французского и татарского языков // Проблемы сравнительной типологии родного и изучаемого языков: Сб. научн. тр. – Казань: КГПИ, 1983. – С. 71–81.

3. Способы действия французского глагола, их иерархизация и средства выражения // Современные проблемы романистики: Функциональная семантика: Тез. V Всесоюз. конференции по романскому языкознанию. – Т. I. – Калинин: КГУ, 1986. – С. 110–111.

4. Способы действия и средства их выражения в татарском языке // Совет мәктәбе. – Казань, 1986. – № 6. – С. 32–35.

5. Функциональный анализ средств выражения способов действия французского глагола // Активные процессы в грамматическом строе и семантике романских и германских языков: Межвузовский сб. научн. тр. – Ижевск: Иж. ГУ, 1987. – С. 49–56.

6. Сопоставительный анализ средств выражения способов действия во французском и татарском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 1987. – 20 с.

7. Словообразовательные средства выражения способов действия во французском языке // Парадигматический и синтагматический аспекты морфологических форм (на материале романо-германских языков): Межвузовский сб. научн. тр. – Иваново: Ив. ГУ, 1988. – С. 34–41.

8. Аспектуальная характеристика глагольно-именных аналитических структур во французском языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц (из опыта изучения и преподавания иностранных языков): Материалы межвузовской конференции. – Белгород: БГПИ, 1988. – С. 70–72.

9. К типологии аспектуальных систем татарского и французского языков // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: Труды международной конференции в 3-х томах. – Т. I. – Казань, 1992. – С. 184–186.

10. Аспектуальное содержание высказывания и имплицитность // Проблемы прикладной лингвистики: Сб. материалов семинара.— Пенза: ПГПУ, 1997.—С. 62–64.

11. Транспонированные средства передачи основных частей речи при переводе с французского языка на русский // Вопросы теории и практики перевода: Сб. материалов семинара.—Пенза: ПГПУ, 1998.—С. 45–50.

12. О времени высказывания и взаимодействии глагольной и неглагольной темпоральности во французском языке // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект: Межвузовский сб. научн. тр. Вып. II.—Тамбов: ТГУ, 1999.—С.28–34.

13. Аспектуальность в татарском и французском языках (сопоставительное исследование).—Казань: Магариф, 1999.—127 с.

14. Контрастивные исследования и методическая практика (на материале французского и татарского языков) // Язык и методика его преподавания: Материалы республиканской научно-практической конференции.—Казань: КГУ, 1999.—С.12–14.

15. О методике исчисления типологии темпоральных систем разноструктурных языков (на примере французского и татарского языков) //Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации: Материалы научной конференции. Часть I.—Уфа: Баш. ГУ, 1999.—С.112–114.

16. О глубинном уровне метаязыка сравнения времени высказывания в разноструктурных языках // Языковые и культурные контакты различных народов: Сб. материалов.—Пенза: ПГПУ, 1999.—С.46–48.

17. Семантика и функционирование настоящего времени глагола во французском и татарском языках // Вопросы теории и практики перевода: Материалы семинара.—Пенза: ПГПУ, 1999.—С.31–33.

18. Глубинная сущность лингвистического времени и ее выражение французской формой *passé simple* // Лингвострановедческий аспект преподавания иностранных языков.— Вып.3.— Казань: КГПУ, 1999.—С.40–46.

19. Темпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст.—Казань: Тат. книжное изд-во, 2000.—288 с.

Подписано в печать 20.03.2001

Тир.100

Зак.54-2001

Лаборатория офсетной печати Казгоспедуниверситета
420015 г. Казань, ул. Пушкина, 31.

22